

О социокультурной детерминации эмоций

Марк Найдорф ¹

Анотация: В эссе обсуждаются некоторые особенности эмоциональных реакций человека, взятые в их зависимости от социокультурного поля, включая культурные детерминанты «настроений» и «сильных эмоций», добровольность и ситуативность эмоциональных переживаний.

Ключевые слова: эмоция, настроение, ситуация, сопричастность, мотивирующие механизмы культуры

I. Почему «технологическое» мышление останавливается перед эмоцией?

Технологическая цивилизация, в которой привычно чувствует себя современный человек, налагает определённые стандарты мышления одновременно на разные области жизни. Множество устройств, присутствующих вокруг нас, в конце концов приучает мыслить устройствами, а в них ценить прежде всего степень их продуктивности. Подход этот настолько распространён, что не нуждается в обосновании. Почти всякий поймет ваше желание обзавестись более мощным холодильником или телефоном, компьютером или автомобилем. Но если вам больше нравится что-то старое, то тут как раз придется объясняться.

О природных вещах тоже часто мыслят в логике продуктивности. Даже деревья, дающие больше плодов, или корова более продуктивной породы мыслятся в этих случаях как своего рода «устройства», по этой причине более предпочтительные.

Так же «технологично» стали думать о человеке. Знаменитый ново-олимпийский девиз «Citius, altius, fortius!» («Быстрее, выше, сильнее!») утвердился на рубеже XIX–XX вв., когда быстро растущая технологическая цивилизация достигла признания в массах. Все вдруг почувствовали, что «время требует» много крепких человеческих тел — для их применения на заводах и фабриках, и на войне. Появились массовые спортивные движения; они вдохновлялись этими новыми тогда олимпийскими образцами и целями всеобщего усовершенствования человеческих «телесных машин».²

До сего дня «механическое» понимание человека сохраняет своё влияние. Пишут, например, так: «тело человека представляет собой сложнейший механизм, в основе которого лежит четкое взаимодействие систем органов» (Google дает на эту фразу много ссылок). Видимо, «механическое» представление о человеке как-то отвечает общему настроению умов нашей технологической эпохи.

Это общее настроение умов («культурная парадигма») поддерживает также и представления о мозге человека как своего рода мыслящем «устройстве», наглядный аналог которого — современный компьютер. Считается, правда, что «мозг гораздо мощнее» и «настолько совершенен, что компьютеры не смогут приблизиться к нему по уровню производительности, скорее всего, никогда», но в нем «нейроны выполняют одновременно все функции компьютера — запоминание, воспроизведение, хранение». ³

Тут уже становится не совсем понятно, компьютер ли воспроизводит функции мозга, или мозг выполняет «все функции компьютера»? Потому что: мышление — это не что иное, как манипулирование формализованными символами, а именно это и делает компьютер: он оперирует формализованными символами. Подобный взгляд часто суммируется примерно таким соображением:

«Разум по отношению к мозгу — это то же,
что и программа по отношению к аппаратуре компьютера». ⁴

Наверное, это крайность. Но так бывает, что господствующее в определенный период времени общее направление умов (парадигма) настолько облегчает рецепцию соответствующих идей и представлений, что иногда самые экстремальные из них не встречают сопротивления со стороны здравого смысла.

В рамках данной парадигмы мозг — это мыслительный орган, созданный природой, в норме функционирующий у всех людей сходным образом с определенными вариациями. Далеко не всегда эти различия существенны. Но при необходимости они могут быть оценены экспериментально в цифровом выражении. Некоторые оценки могут быть получены с помощью приборов (например, измерение работы органов чувств) или лабораторных экспериментов (скажем, работа памяти). Существуют даже методики для числовой диагностики способности воображения. В любом случае, если речь идет о количественном выражении, то полученные оценки отвечают на вопросы «как много?», «как скоро?» и «как далеко?». Это — обычные вопросы, характеризующие продуктивность любого устройства. И даже касательно мозга, это вопросы — об условиях и мере эффективности той работы, ради которой данное устройство «сконструировано» природой.

Однако, такое абстрагирование мозга от человека — допущение, имеющее смысл лишь в рамках естествознания. В реальности каждый человек — это условие существования своего мозга, начиная от образа жизни и состояния здоровья и до специфических требований и ожиданий, возникающих в системе отношений человека с другими людьми. Например, где-то результаты способности к тонкому различению звуковысотности («музыкальный слух»), или цветовых тонов, или обостренной тактильной чувствительности могут быть более значимы и потому более развиты практически. В других случаях эти органические предпосылки остаются практически бесполезными. В древности умели организовать память так, чтобы сохранять в изустном существовании огромные объемы эпоса. Современный человек должен помнить и помнит иное и иначе. До формирования общедоступной интернет-коммуникации визуальные образы во многих случаях (например, при чтении книг) были продуктом индивидуальной конвертации нарративных источников. Сегодня проблема состоит, скорее, в вербализации зрительных впечатлений. При том, что конструктивно мозг остается одним и тем же биологическим «устройством».

II. Трудности физиологического подхода к эмоциям

Но, по крайней мере, в одном случае научно-технологическое изучение мозга как особого рода природного устройства наталкивается на препятствие — при изучении эмоций, которые являются наблюдателю, говоря в самом общем виде, как *нераздельное сочетание определенного знания и соответствующего ему физиологического состояния человека (или группы)*.

Любой пример может проиллюстрировать эту «двусторонность» эмоции. Переживание опасности (страх) есть сочетание знания об опасности и соответствующее ему физиологическое состояние, состоящее в готовности к действию: к устранению себя, т. е., к бегству, или к устранению источника опасности, к нападению на него. Переживание отвращения представляет собой знание (в той или иной форме) о предмете отвращения вместе с готовностью к соответствующим, часто рефлекторным, действиям. Радость — плод слияния знания об упразднении сковывающих ограничений и состояния готовности к ранее невозможным действиям.

С точки зрения классической науки более удобной для изучения является органическая сторона этого сочетания. Эмоции, если они достигают заметной интенсивности, выражаются такими изменениями физиологического состояния организма, которые можно фиксировать вполне объективно, то есть безотносительно к тому, кто и когда их фиксирует и измеряет. Это, скажем, ряд симптомов, характерных для испуга: выброс адреналина, сокращение сосудов, спазм гладких мышц, побледнение кожи и т. д. Но, что бы мы не фиксировали — кровяное давление или электроэнцефалограмму мозга, мы остаёмся в круге технологического описания работы организма как устройства, создающего,

порождающего (или сопровождающего) эмоцию приблизительно по такому типу: «эмоциональный стимул, отражаясь в чувствительных ядрах зрительного бугра, восходит в сенсорные отделы коры головного мозга и уже из них направляется в ядра амигдаллярного (миндалевидного) комплекса, формируя эмоциональный ответ».

Проблема, однако, возникает, в связи с тем, что здесь называют «эмоциональный стимул», т. е. факт, принимаемый в качестве причины или предметной направленности эмоции. А тут физиологическая картина мало может помочь. Лев Выготский пишет:

«[О]рганические изменения, какими бы глубокими и биологически значительными они нам ни представлялись, какие бы серьезные органические потрясения они ни скрывали за собой, выступают как удивительно сходные при самых различных и даже противоположных с точки зрения переживания эмоциях».⁵

Страшно перед экзаменом, страшно перед удалением зуба, страшно смотреть фильм — и эти смысловые различия могут не получить отражения на уровне их физиологической картины. Иначе: то, что может выглядеть одной и той же эмоцией, если следовать критериям физиологических «объективных фактов», выглядит совсем разными случаями, если смотреть со смысловой стороны, которая, как известно, хоть и не произвольна, но весьма субъективна. Даже одну и ту же социально-стандартную ситуацию люди переживают эмоционально по-разному. Разочарование из-за проигрыша любимой команды может быть выражено эмоцией разной физиологической интенсивности, но это не разные эмоции.

Еще одна трудность предметного изучения эмоций состоит в том, что мы никогда не можем, указав на два даже очень сходных по смыслу случая, уверенно утверждать, что они оба — та же самая эмоция, а не похожая, но другая. Восхищаться знаменитым футболистом и восхищаться новокупленной курткой — это одна и та же эмоция или разные две? Имя в обоих случаях одно, но смыслы, кажется, совсем различные.

Номенклатура эмоций со временем меняется. В какой-то момент появилась эмоция: «шок!». Восклицание «я — в шоке!» может замещать, например, имя эмоции удивления («я удивлена поступком подруги») или гнева («я возмущена поступком подруги»). Но может быть, что никакого замещения тут нет, и появление нового имени эмоции указывает на формирование эмоции нового сорта, третьего в этом примере.

В некоторых случаях для классификации практикуют различения и отождествления эмоций по признакам их продолжительности и силы. Иногда

говорят, например, что продолжительные эмоции — это «чувства». А сильные и кратковременные — это «аффекты». Но в обоих случаях мерность вводится лишь по видимости, т. к. без формального критерия ее нельзя применить. А установить момент начала или нулевого эмоционального состояния для построения временных шкал оказалось невозможно.⁶

Человек эмоционален всегда, хотя замечает свои и чужие эмоции тогда, когда их физиологический компонент делается заметным. Но, если мы соглашаемся считать стоящую воду в озере и воду, бьющую в фонтане, одной и той же субстанцией, то нет ничего странного в том, чтобы усматривать эмоциональность во всех проявлениях человеческого поведения: и тогда, когда физиологически сильная эмоция обращает на себя внимание, и тогда, когда эмоциональность присутствует в привычном фоновом режиме — как настроение.

III. Эмоциональная озабоченность предметом, сопричастность

Синергетичность эмоции, «нераздельность и неслиянность» в ней физиологической и смысловой сторон, затрудняет целостное осмысление этого феномена привычными рефлексивными средствами. Физиологическая картина не ухватывает жизненного смысла, «целеориентирующего» или, как еще говорят, «динамогенного»⁷ предназначения эмоций. Но, с другой стороны, экстракция значения неизбежно сводит эмоцию к чистой мысли, оставляет за рамками внимания жизненную силу эмоции.

Следовало бы избегать тут разделения значения и смысла. Мало знать об опасности — в реальных случаях для спасения жизни нужна сильная эмоция страха, то есть целеорганизованное мобилизующее организм переживание этого знания. Для формирования сильной эмоции мало узнать — нужно почувствовать важный, иногда критически важный жизненный смысл происходящего. Кто-то узнаёт о зачислении в ВУЗ лишь как информацию, «чувств никаких не изведав». Другой человек испытывает от этой новости сильную эмоцию радости, связанную с предощущением новых возможностей; так он пред-направляет себя к новой деятельности и новому способу жизни.

И наоборот. Если сводить удивление (допустим, странным поведением знакомого или древним мегалитическим сооружением Оллантайтамбо в Перу) всего лишь к работе «ориентировочного рефлекса» (по И. Павлову), то вместо эмоции в поле зрения останется «комплекс реакций организма в ответ на новизну раздражителя». Но это — не вся эмоция, а составная ее часть.

Можно, наверное, описать подъем эмоции как переживание человеком той или иной жизненно важной *сопричастности с предметом, в силу которой он испытывает — в форме целостного психофизического состояния — побуждение к действию*. Фраза, обращенная к кому-то: «другой на твоём месте, радовался бы», обычно указывает не на отсутствие предмета, а на слабую сопричастность

человека с ним — для возникновения в этот момент сильной эмоции. Как видим, именно сопричастность является ключевым условием эмоционального отношения к миру и его элементам.

На этом фоне классически-научное отношение к предмету выглядит парадоксальным, так как одно из основных условий его состоит в «незаинтересованной заинтересованности» ученого объектом изучения. «Классический» учёный должен исследовать объект, отрешившись от всякого личного к нему отношения, но максимально пристально и настоятельно; в этом — особое искусство научного мышления. Тогда как сильная эмоция возникает в ситуации противоположной — при непременно сопричастности человека с предметом его интереса.

Психолог А. Н. Леонтьев писал:

«Особенность эмоций состоит в том, что они непосредственно отражают отношения между мотивами и реализацией отвечающей этим мотивам деятельности. При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а именно о непосредственном их отражении, о переживании. Образно говоря, эмоции следуют за актуализацией мотива и до рациональной оценки адекватности деятельности субъекта».⁸

«Мотив» в его терминологии — это предмет направленной на него деятельности: пункт, точка, объект, элемент мира, с которым потребность соединяется посредством деятельности.

«Предмет потребности — материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане — мы называем мотивом деятельности».⁹

В приведенной мысли Алексея Леонтьева самым проблемным представляется момент, как он пишет, «актуализации» мотива. В контексте сказанного это и есть момент установления сопричастности человека с предметом («мотивом» деятельности), при том, что очевидность этой сопричастности — условие, необходимое для возникновения соответствующей сильной эмоции. Потребность в любви питает сильную эмоцию, но не ранее «актуализации мотива», то есть, не ранее появления другого человека, сопричастность с которым кажется очевидной. Предметом сильной эмоции может также оказаться концепт — свобода, равенство, братство, творческая самореализация, страх, гнев, месть и так далее, если сопричастность с любым из них «заставляет вскипать кровь». Предметом эмоции может оказаться даже собственное прошлое или собственное будущее (каким оно дано воображению), если

сопричастность с ними представляется в определенный момент отчаянно важной.

Сопричастность — особый вид связи. Его обязательное условие — добровольность. Сопричастность добровольна, насильно мил не будешь. Другое имя сопричастности — озабоченность; предмет её не может быть навязан. Озабоченность предметом сама по себе еще не предопределяет способа действия. Озабоченность вполне может быть как позитивной (ведущей к сближению, сохранению), так и негативной (если она питает, например, ненависть). То есть, озабоченность может нацеливать и на истребление своего предмета.

Однако, добровольную сопричастность можно спровоцировать. В наше время на создание у массы индивидов сопричастности с тем или иным предметом (предметами) нацелена вся манипулятивная мощь медиа. Предметами сопричастности могут быть политические лидеры; самые известные из них порождали эмоции восхищения или отвращения огромной силы. Массовый восторг сопричастности вызывают многие медиа-звезды. Но в какой-то момент предметом массовой сопричастности были киты — существовало массовое движение, которое требовало отказа от промысловой охоты на этих животных.

Массовые движения способны удерживать сильные эмоции. Одним из условий массового движения является озабоченность определенным, одним и тем же, предметом каждого из участников (в последние годы предметами массовой озабоченности были, например, аборт, рак груди, даже эвтаназия). Массовые митинги и их особый жанр — рок-концерты — это открытая форма поддержания сопричастности; это форма «работы» с эмоциями, форма закрепления добровольной озабоченности индивидов предметом (темой) митинга.

В домассовых обществах были свои средства манипулятивного формирования символической сопричастности. Архаические культы и обряды, например. Или институт Церкви — со всем комплексом суггестивных средств и процедур. Или сословные традиции. Но это — отдельная тема.

IV. Кейс: Каин и Авель

Слово «добровольный» указывает на «собственное волеизъявление, без принуждения другим человеком или группой». Но и свободное волеизъявление, чтобы не оказаться бессмысленным или вредным, нуждается в обосновании. Добровольно — не то же самое, что произвольно.

Фундаментом свободного волеизъявления обычно является что-то более или менее общезначимое. Это могут быть, скажем, традиции и верность традициям («мой отец и мой дед были военными, я тоже хочу быть военным»).

Или такие общие для данного общества представления о должном как идеалы, ценности, нормы, парадигмы. Они составляют основной контекст формирования эмоций. В силу распространенности и устойчивости эти коллективные представления¹⁰ редко подвергаются рациональной рефлексии, их воспринимают, скорее, как саму собой разумеющуюся данность. На их основе возникают потребности — в том, чтобы сблизить то, что есть, с тем, что и как, согласно этим представлениям, должно быть — то есть в сближении сущего и должного.¹¹ Вполне очевидно, что место эмоции — тут.

Посмотрим на следующем схематическом примере.

Каин и Авель. Одна из самых известных в наше время притч Пятикнижия — сюжет, связанный с братоубийством Каина. Действие это, скажем так, незаурядное, возможное на волне очень сильной эмоции. Но о ней в древнем источнике ни слова.¹² Происхождение Каинова гнева следовало бы в наших целях реконструировать.

Контекст: о братьях мы знаем, что Господь принял, «призрел»¹³ дар, принесённый Авелем, «А на Каина и на его дар не призрел» (другой перевод — не «благоволил»). «И досадно стало Каину очень», — говорит Тора.

Здесь «досадно» — это переживание своего положения в рамках ситуации, созданной Всевышним, обидной для Каина (поэтому «поникло его лицо»). Назовем это переживание *настроением* и заметим, что настроение относится человеком к самому себе (мне досадно, мне радостно, мне весело, мне скучно, мне надоело, мне любопытно и т. д.), а в группе — к «нам» (нам любопытно).¹⁴

Представления Каина о справедливости, принимаемые им как самоочевидные, не возникли в нем вместе с ситуацией, они были заранее готовы: может быть, это представления о справедливости равенства или о гордости и достоинстве первородства. Для того, чтобы утверждать надёжно, нужно знать культурный контекст той эпохи.

Положение, на которое досаждает Каин, представлено в тексте притчи как поправимое: по словам Господа, «если будешь добро творить, простится (тебе)».

Актуализация предмета. Но Каин предпочитает сменить ситуацию на такую, которую создает сам; он находит предмет в лице Авеля, убийством которого надеется восстановить справедливость. Важно, что выбор предмета и фокусировка на нем психических и физических сил — это то, что Каин сделал совершенно добровольно. Эмоция требует добровольности.

Сильная эмоция. В момент актуализации предмета «отношение к себе» сменилось новой пристрастной связью (сопричастностью) Каина с братом, настроение (досаду) сменила сильная эмоция (гнев), без которой экстраординарное действие (убийство) было бы невозможно.

Рефлексия всей этой цепочки ситуаций последовала за спадом эмоции, вызвавшей преступление.

V. Ситуация

Настроение предшествует, но не обязательно ведет к сильной эмоции. Но, если эмоция — результат «актуализации предмета», то есть возникновения *действенной* — позитивной или негативной — озабоченности тем или иным фрагментом мира (иногда даже миром в целом), то настроение можно описать как предрасположенность *бездейственную*. Радоваться, грустить, досадовать, ликовать, смиряться и т. д. — значит переживать свое положение (место, позицию) в той или иной кем-то созданной ситуации.

Мир дан нам не только вещами, но и ситуациями. Каждая из них — объект особого рода, *временная констелляция элементов мира, объединенных чьей-либо деятельностью в качестве предметов, средств и целей (представлений субъекта о продукте этой деятельности)*.¹⁵ Таким образом, всякий, кто действует, создает ситуацию, и любая ситуация распадается с окончанием действия.

Возьмем по возможности нейтральный пример ситуации, чтобы показать, что настроение есть живое переживание своего места в ней. Согласимся на том, что все переживаемые позиции в этом примере приняты добровольно на основании культурно одобряемых общих представлений («*мотивирующих механизмов культуры*»¹⁶ — выделены курсивом).

Допустим, что где-то медиа со ссылкой на мэрию сообщили, что в городе N решено соорудить стадион. Само это решение — до начала строительства — ставит жителей в ситуацию, в которой они находят себя по-разному. Многие, следуя «общему направлению мыслей» (*парадигме*) о важности для здоровья любительских спортивных занятий, чувствуют, что обрадованы этой новостью. Другие жители могут подумать, что место, где будет стадион, следовало бы занять парком; в городе не хватает зелени, а забота об экологии — одна из основных *ценностей* в наше время. Они чувствуют, что огорчены. Очень рады в избирательном штабе мэра — его шансы на переизбрание растут, его подают теперь как *идеального мэра*; в штабе его противника — уныние. Расстроены также и те, кто очень хотел на этой территории соорудить большой торговый центр (они говорят, что в городе нет *нормального ТРЦ*). В соседнем городе завидуют показанному интересному проекту будущего стадиона (*прогресс налицо*). Есть, наконец, люди, которые не находят своей позиции в данной ситуации, созданной мэрией. Им от этого, как говорят, «ни холодно, ни жарко». Но только эти люди точно не будут действовать. Некоторые другие жители, если они найдут или «изобретут» виновного («актуализация предмета» и возникновение сопричастности), могут ощутить подъем эмоций в направлении к социальному действию (сбор подписей, пикеты, манифестации и проч.).

VI. Итоги

1. Мы исходим из того, что эмоциональность — неотъемлемое свойство живой психики. Оно заключается в способности психики интегрально ориентироваться в своем жизненном пространстве, то есть связывать интерпретацию жизненного смысла каждой данной ситуации и мобилизацию организма для адекватного действия в ней — с необходимой для этого глубиной органической мобилизации и его предметной направленностью. Эмоция в каждый момент зависит от ресурсных свойств организма и ситуативно-смыслообразующего контекста. Культурного контекста, следовало бы уточнить.

2. Эмоция, эмоциональное состояние, взятое изолированно само по себе, представляет неразрешимую загадку прежде всего потому, что эмоция возникает в контексте отношений с внешними факторами и на них направлена. Страх, радость, удивление и т. п. — это всегда страх чего-то, удивление чем-то, радость почему-то.

3. Связь человека, субъекта эмоции, с каким-либо внешним фактором — связь добровольная; субъект находит предмет этой связи почему-либо значимым для себя, и связь со значимым мы называем сопричастностью или озабоченностью.

4. Малая часть сильных эмоций (кстати, общих с животными) готовит субъекта к действиям в определенных чрезвычайных ситуациях («emergency situation») как, например, приближение врага (у животных — хищника) или близость огня, опасность в отношении потомства, копуляция. Признаки таких ситуаций и действия в них более или менее очевидны и обеспечены генетически.

5. Большинство человеческих эмоций возникает в ситуациях, требующих понимания, и зависят от понимания ситуаций (т. е. временных, созданных чьей-то деятельностью констелляций людей и вещей), частью которой оказался человек. Пассивное, «констатирующее» переживание человеком своей позиции в чужой ситуации — это *настроение*.

6. *Сильные эмоции*, эмоции сильного действия могут возникнуть на основе настроения при условии «актуализации предмета», т. е. при возникновении сопричастности. Сопричастность — добровольно устанавливаемая смысловая связь; ее источник — система принятых в том или ином обществе представлений, закрепленных мотивирующими «механизмами культуры»: традициями, ценностями, идеалами, нормами, парадигмами. Говоря в самом общем виде, любая вещь или идея может оказаться предметом озабоченности, т. е. связи, порождающей сильную эмоцию действия. Но актуализируются те, значимость которых поддержана механизмами данной культуры.

Библиография

- Барретт, Лиза Ф. *Как рождаются эмоции. Революция в понимании и управлении эмоциями* (Москва: Манн, Иванов и Фарбер, 2018).
- Вилюнас, Витас и др. *Психология эмоций. Тексты* (М:Издательство Московского университета,1984).
- Додонов, Борис. *В мире эмоций* (Киев: Политиздат, 1987).
- Д’Орацио, Константино. *История искусства в шести эмоциях* (М.: Бомбора, 2020).
- Изард, Кэррол Э. *Психология эмоций* (СПб: Питер, 2008).
- Ильин, Евгений. *Эмоции и чувства* (СПб: Питер 2013).
- Мацумото, Дэвид и др. *Психология и культура* (СПб.: Питер, 2003).
- Поршнева, Борис. *Социальная психология и история* (М.: Наука, 1979).
- Седых, Александр. *Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании. Научные ведомости, серия Гуманитарные науки, 2012, 6(125/13).*
- Аронсон, Полина и др. *Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности* (М.: Individuum, 2022).
- Февр, Люсьен. «Чувствительность и история». В: Февр, Л. *Бои за историю* (М.: Наука. 1991), 89–120.
- Холл, К., Линдсей, Г. *Теории личности* (Киев: PSYLIB, 2005).
- Heller, Agnes. *A Theory of Feelings* (London: Lexington Books, 2009).
- van Goozen, Stephanie, Nanne Van de Poll, Joseph A. Sergeant. *Emotions: Essays on Emotion Theory* (New York: Psychology Press, 2014).
- Tsai, J. «Culture and emotion». In: R. Biswas-Diener & E. Diener (Eds.), *Noba textbook series: Psychology* (Champaign, IL: DEF publishers, 2022).
- Uchida, Y. et al. «Emotions as within or between people? Cultural variations in lay theories of emotion expression and inference». *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009, 35 (11).

Примечания:

¹ Марк Исаакович Найдорф — канд. филос. н., доцент. Научные интересы: теория культуры, современная массовая культура, история и теория музыкальной культуры. Работал в должности доцента кафедры культурологии Одесского национального политехнического университета. Книги и статьи М. Найдорфа размещены на авторском сайте <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/>.

² В СССР система физического воспитания населения называлась ГТО — «готов к труду и обороне». Те, кто сдавал нормативные тесты по ряду спортивных дисциплин, заслуживали получения почетных значков ГТО.

³ «Мозг человека» (без указания автора), дата публикации 2022/06/01, https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%BE%D0%B7%D0%B3_%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0.

⁴ Сирл, Джон. «Разум мозга — компьютерная программа?». В: *Мир науки*, 1990, 3, <http://www.raai.org/library/books/sirl/ai.htm>.

⁵ Выготский, Лев Семенович. «Учение об эмоциях». В: Выготский, Л.С. *Собрание сочинений. В 6-ти т*, Т. 6. (М.: «Педагогика», 1984), 105.

⁶ Ян Плампер в кн. «Истории эмоций» (Новое литературное обозрение, 2018, с. 294) ссылается на статью: Dror, O.E. «The Affect of Experiment: The Turn to Emotions in Anglo-American Psychology, 1900-1940». *Isis*, 1999, 90/2, 205-237, 220.

⁷ Выготский. *Учение об эмоциях*, 99.

⁸ Леонтьев, Алексей Николаевич. *Деятельность. Сознание. Личность* (М.: Политиздат, 1984), 97.

⁹ Там же.

¹⁰ Согласно Дюркгейму, коллективные представления выражают коллективные чувства и идеи, которые обеспечивают единство и сплоченность социальной группы, являясь таким образом важнейшим фактором социальной солидарности.

¹¹ Заметим, что у людей даже первичные биологические потребности удовлетворяются согласно представлениям о социально предпочтительном должном; в разных обществах так или иначе культурно регулируются формы их удовлетворения — вплоть до отказа (пост, отшельничество, обет безбрачия, хакари). В рамках этих представлений люди тоже действуют вполне добровольно, если полагают эти формы безальтернативными.

¹² «Пятикнижие базируется на многовековой устной, а возможно, частично письменной традиции, включающей в себя элементы различных фольклорных жанров, правовых и сакральных установлений и т. п.» (см. Пятикнижие в ЭЕЭ). Этот библейский фрагмент представляет собой краткую «пунктирную» запись, очевидно, конспект живого рассказа, хорошо знакомого в древнем народе Израиля. Понятно, что писец-«конспектор» стремился зафиксировать то, что считал в этом поучении существенным. Но он не мог представить себе, какие вопросы к его тексту возникнут у читателей этой притчи на протяжении последующих трех тысяч лет. Во многом дефицит связности потом восполнялся исторической цепью комментариев к священному тексту Торы. Одним из видов комментариев являются вставки в современных переводах, сделанные для того, чтобы прояснить смысл текста читателю, привычному к другому типу наррации.

¹³ Призрел — обратил взор, иначе: «спустился огонь и поглотил его дар».

¹⁴ Случаи, когда человек становится предметом собственной эмоции — это, чаще всего, разные формы самосовершенствования. Например, тренировки ради особых достижений в спорте, усилия в приобретении знаний, мастерства в ремесле и искусстве и проч.

¹⁵ О ситуации подробнее см.: Найдорф, Марк Исаакович. «Парные категории культурологии. Статья первая». *Вопросы культурологии*, 2011, 1, 4–11; «Парные категории культурологии. Статья вторая». *Вопросы культурологии*, 2011, 2, 37–44; «Парные категории культурологии. Статья третья». *Вопросы культурологии*, 2011, 3, 31–36, <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/theory-articles/o-dvumodalnosti-kultury-i-parnyh-kategoriyah-v-kulturologii>. См. также, о парных категориях в кратком изложении см.: Найдорф, Марк Исаакович. «Тезисы: О двуmodalности культуры и парных категориях культурологии», <https://bit.ly/3T4jZg9>. См. также, <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dvumodalnosti-kultury-i-parnyh-kategoriyah-v-kulturologii>.

¹⁶ На авторском Google-сайте М. И. Найдорфа: Найдорф, Марк Исаакович. *Введение в теорию культуры: Основные понятия культурологии. Глава 3. Мотивирующие механизмы культуры* (Одесса: Друк, 2005), https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/main_notions?authuser=0.